

УДК 811.161

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-26-35>

## **Отражение процесса самоидентификации личности эталонами русской лингвокультуры**

**Григорий Валериевич Токарев**

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия,  
grig72@mail.ru*

### **Аннотация**

Исследуется определение особенностей самоидентификации, то есть самопонимания, эталонами русской лингвокультуры. Для достижения поставленной цели использован ономазиологический, компонентный, концептуальный анализ, приемы лингвокультурологической интерпретации. Эталон – знак культуры, выражающий в вербальной форме стереотипные представления о стандартах свойств и качеств человека. Доказано, что эталоны являются основным средством самоидентификации субъекта культуры. Они объективируют разные аспекты внутреннего мира человека, его внешности, социального взаимодействия. Установлено, что эталон является элементом идентичности народа, результатом процесса идентификации, который сопровождается характеристикой субъекта культуры. Данные процессы воплощаются во внутренней форме эталона, которая рассмотрена как вербальный стереотип, отражающий прототипическое представление обозначаемого явления. Выявлено, что все основные коды культуры участвуют в формировании эталонов. В ходе исследования определены продуктивные культурные коды, которые используются в процессе идентификации. К их числу относятся антропоморфный, биоморфный, акциональный. Эталоны представлены единицами, идентифицирующими человека как вид и по отдельным аспектам его жизнедеятельности. Формирование эталонов осуществляется с опорой на лингвокультурные типажи, архетипические представления или практические наблюдения человека за явлениями действительности. Один вербальный стереотип может быть положен в основу разных эталонов. Эталон может фиксировать отступление от нормы, указывая на стандарты хорошего или плохого. Большинство эталонов характеризуется пейоративной оценочностью. В ходе исследования выяснено, что эталоны антропоморфного кода культуры служат объективации представлений о типах людей, ориентированных на внутренний мир или материальные ценности. Антропоморфные стереотипы, указывающие на социальные признаки, идентифицируют особенности личности в контексте общественных отношений. Биоморфные стереотипы основаны на архетипических знаниях или практических наблюдениях. Большинство единиц этой группы фиксирует отступление от нормы или стандарта и включает в свое значение негативную оценку, что объясняется интерпретацией животного как эрзаца человека. Среди эталонов с образом «Птица» доминируют единицы с положительной оценочностью. Вербальные стереотипы растений малопродуктивны и используются преимущественно для объективации негативных аспектов. В фетишных эталонах значимыми становятся ценностные, функциональные характеристики предмета, а также ощущения от контакта с ним. Эталоны человека, образованные на основе акциональных признаков, воплощают представления о стандартах поведения, принятых в русской культуре. Эталоны анимического кода отражают погружение человека в контекст природы, ощущение ее частью.

**Ключевые слова:** язык, культура, идентификация, эталон, стереотип, внутренняя форма

**Для цитирования:** Токарев Г. В. Отражение процесса самоидентификации личности эталонами русской лингвокультуры // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 26–35. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-26-35>

## **Reflection of personality self-identification process by the standards of Russian linguoculture**

**Grigory V. Tokarev**

*Tula State Pedagogical Leo Tolstoy University, Tula, Russian Federation, grig72@mail.ru*

### **Abstract**

The article is devoted to determining the peculiarities of self-identification, i.e. self-understanding, by the standards of the Russian linguoculture. To achieve the goal, the author uses onomasiological, component, conceptual analysis, linguocultural interpretation techniques. A standard is a sign of culture, expressing in verbal form stereotypical ideas about the typical features and qualities of a person. Standards have been proved to be the main means for self-identification of the subject of culture. They objectify various aspects of a person's inner world, his/her appearance, social interaction. The article establishes that a standard is an element of people's identity, the result of the identifica-

tion process, which is accompanied by the characterization of the subject of culture. These processes are embodied in the internal form of the standard, which is considered as a verbal stereotype reflecting the prototypical representation of the denoted phenomenon. The article reveals that all major cultural codes are involved in the formation of standards. The study identifies productive cultural codes that are used in the identification process. They include anthropomorphic, biomorphic, actional. The standards are represented by the units identifying a person as a kind and on certain aspects of his/her life activity. The formation of standards is carried out on the basis of linguocultural types, archetypal representations or practical human observations of reality phenomena. One verbal stereotype can be the basis of different standards. A standard can fix a deviation from the norm, indicating the norm for good or bad. The majority of standards are characterized by pejorative evaluativeness. The research discovers that the standards of anthropomorphic code of culture serve to objectify ideas about types of people oriented towards the inner world or material values. Anthropomorphic stereotypes pointing to social attributes identify features of a person in the context of social relations. Biomorphic stereotypes are based on archetypal knowledge or practical observations. The majority of units of this group record a deviation from the norm or pattern and include a negative evaluation in their meaning, which is explained by the interpretation of the animal as an ersatz human being. Units with positive evaluation dominate among the standards with the image "Bird". Verbal stereotypes of plants are unproductive and are used mainly to objectify negative aspects. In fetish standards, value and functional characteristics of the object, as well as feelings from contact with it, become significant. Human standards formed on the basis of actional attributes embody ideas about the behavioural norms accepted in the Russian culture. The standards of the animic code reflect the immersion of a person in the context of nature, the feeling of being a part of it.

**Keywords:** language, culture, identification, standard, stereotype, internal form

**For citation:** Tokarev G. V. Otrazheniye protsesssa samoidentifikatsii lichnosti etalonami russkoy lingvokultury [Reflection of personality self-identification process by the standards of Russian linguoculture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 26–35 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-26-35>

## Введение

Одной из актуальных проблем современных гуманитарных наук является изучение феномена национальной идентичности, а также способов и средств ее выражения, механизмов, обеспечивающих ее существование. В данном исследовании мы придерживаемся точки зрения, предложенной В. Н. Телия, о существовании особого, промежуточного лингвокультурного уровня, который является результатом взаимодействия систем языка и культуры [1]. Язык выступает своеобразным контейнером для объективации культурно маркированных знаний. Данный уровень представлен лингвокультурными единицами, среди которых можно выделить эталоны – знаки культуры, выражающие стереотипные представления о стандартах свойств и качеств человека [2]. В. Н. Телия предложила термин «квазиэталон», понимая под ним «характерологически образную подмену свойств человека или предмета какой-либо реалией» [1, с. 242]. Приставкой квази- исследователь хотел подчеркнуть особую, вербальную природу данных знаков. Эталоны являются основным средством самоидентификации субъекта культуры. Они охватывают разные аспекты внутреннего мира человека, его внешности, социального взаимодействия. Эталон является элементом идентичности народа [3, 4], результатом процесса идентификации, сущность которого заключается в категоризации, сортировке [5] знаний с опорой на когнитивные фильтры «свой vs. чужой», «понятный vs. непонятный», «соот-

ветствующий норме vs. не соответствующий норме». Заметим, что, принимая во внимание эталоны, процесс идентификации осуществляется параллельно с характеристикой субъекта культуры [6]. Этот факт объясняет признаковую семантику эталонов, наличие в их семемах оценочных сем. Процесс идентификации отражается во внутренней форме данного лингвокультурного знака, которая, вслед за В. Н. Телия [7], определяется нами как вербальный стереотип, отражающий прототипическое представление обозначаемого явления. А. А. Потебня указывал, что «...в образе отпечатывается то, что человеку кажется непосредственно истинным и действительным» [8, с. 127].

Перевод данных знаний в вербальную форму осуществляется с опорой на симболярный [9] культурного кода, под которым мы понимаем «принцип образования, использования и интерпретации знаков культуры» [4, с. 58]. В лингвокультурологии принято определять культурный код с опорой на базовый образ единиц. Путем обобщения внутренних форм можно выделить базовые образы, категоризирующие культурный код.

Целью данной статьи является определение особенностей самоидентификации человека эталонами русской лингвокультуры, восходящими к разным кодам культуры.

## Материал и методы

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы исследования:

ономазиологический, компонентный, концептуальный анализ, приемы лингвокультурологической интерпретации. Материалом исследования стали эталоны русского языка, включенные в «Краткий словарь русских лингвокультурных единиц» [10], материалы толковых словарей русского языка и национального корпуса русского языка.

### Результаты исследования

Наиболее продуктивный способ идентификации осуществляется с опорой на антропоморфный код культуры. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова отмечают, что в антропоморфном коде тело знака «...отсылает не просто к предмету, а в конечном счете – к маркированной им телесно-двигательной возможности человека» [11, с. 74]. Человек пытается осмыслить себя через внешнее, плотское и внутреннее, духовное. Ключевыми образами-стереотипами здесь выступают *душа* и *утроба*. Эталон *утроба* репрезентирует представления о материальных потребностях человека, который не может остановиться на пути обогащения: *ненасытная утроба*, культурный знак *душа* используется при характеристике его внутренних качеств.

В процессе категоризации знаний о самом себе русский человек обращается к своему образу, акцентируя внимание на «верхнем этаже», голове. Для выражения автостереотипов используются образы головы, глаз, ушей, лица, лба, рта, языка, бороды и др. Вербализованные стереотипы *голова* и *рот* продолжают объективацию указанной когнитивной стратегии, связанной с выделением внутренних и внешних признаков человека. Русский идентифицирует себя с опорой на образ головы. В наивном понимании ум, способность мыслить, принимать решения как выделяет человека из контекста природы, так и отличает от себе подобных: *светлая, здоровая голова, пустая, дубовая голова, золотая голова, голова с мозгами*. Данный культурный знак может использоваться в качестве базовой единицы идентификации.

Наивная анатомия учитывается при идентификации качеств и свойств людей: *око* – бдительного, *борода* – опытного, *глотка* – пьющего или громогласного, *длинный язык* – болтливое, *скелет* – худого и т. д. Идентификация человека в аспекте выполняемой деятельности осуществляется с опорой на лингвокультурный знак *рука*: *счастливая рука, недобрые руки, золотые руки, длинные руки, правая рука, легкая рука, твердая рука, сильная рука* и др. Эта же стратегия используется при выборе вербальных стереотипов, указывающих на физиологические свойства организма человека: *сопля* – эталон ничтожности, *лимфа* – вялости и др.

Физиологические признаки учитываются при объективации отступления от нормы: *недоносок* ‘об умственно недоразвитом, отсталом человеке’, *калека* ‘о человеке с поврежденной психикой, изуродованном в нравственном отношении’, *младенец* ‘о неопытном, наивном или беспомощном человеке’, *ходячие мощи* ‘об очень худом, истощенном человеке’, *ходячий мертвец, труп* ‘о человеке духовно, нравственно мертвом’, *лилипут, карлик* ‘о человеке малозначительном, ничтожном в каком-либо отношении’, *гигант* ‘о великом человеке, великом деятеле, таланте’. При этом внешние особенности человека используются для объективации автостереотипов внутренних признаков.

Для идентификации человека в социальном аспекте избирается признак цвета кожи. Белый цвет соответствует норме, поэтому положительно интерпретируется – *белый человек*; черный служит выражению представлений отступления от нормы: *негр* ‘о человеке, занятом чрезмерной и тяжелой работой’, *пигмей* ‘о ничтожном человеке’, *черный народ* ‘крестьяне и ремесленники’. При объективации представлений о значимости человека, его роли в обществе используются вербальные стереотипы, называющие степени родства: *отец, мать, брат, сестра*. Эталоны *маменькин сыночек, чадо, дитя* отражают представления о несамостоятельных, несостоятельных, инфантильных людях. Идентификация людей по признаку образа жизни осуществляется с опорой на лингвокультурные типажи [12]: *мещанин* эталонизирует человека с меркантильными интересами, *барин* – ведущего праздный образ жизни, *барышня* – не приспособленную к труду женщину.

Итак, вербализованные стереотипы антропоморфного кода культуры служат объективации представлений о типах людей, ориентированных на внутренний мир или материальные ценности. Представления об органах человека кладутся в основу автостереотипов его особенностей. Вербализованные стереотипы, указывающие на социальные признаки, идентифицируют особенности личности в контексте общественных отношений. По справедливому замечанию С. А. Кошарной: «Человек не только творит „субъективную“ реальность по своему образцу и подобию, но и сам оказывается втянутым в процесс идентификаций» [13, с. 116].

Еще одной многочисленной группой являются эталоны, в основе которых лежит вербальный стереотип «Животное». Н. Б. Мечковская пишет: «Этимологическая значимость мифа уступала место более простому и реальному знанию повадок зверей, за которыми, однако, со временем все более стали просвечивать типы человеческих ха-

ракторов...» [14, с. 364]. Наблюдения над животными, взаимодействие с ними положены в основу культурного опыта народа. Эталоны этой группы также отличаются многочисленностью. Всматриваясь в своих меньших братьев, человек находил сходство внешности, поведения, характера. Ведущей когнитивной стратегией в процессе идентификации является интерпретация животного как низшего существа, которому не свойственны нравственные нормы. Языковое сознание использует культурные знаки животного, зверя, скота и др.: *Муж участвовал в немецких акциях, наши его судили и повесили. И правильно сделали – это был зверь. Самое лучшее для Голубинской было бы уехать куда-нибудь: свидетели ее хороших дел погибли, остались свидетели злодеяний ее мужа, понимаете, как к ней относились люди* (А. Рыбаков). *Ты сам, сам во всем виноват, скотина ты пьяная* (О. Павлов). *Это поколение молодых хищников, идущих по головам, считающих, что цель оправдывает любые средства* (Н. Елизарова). Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Представления о собаке характеризуются амбивалентностью. С одной стороны, собаке приписываются положительные функции, с другой – она предстает как демоническое животное, связанное с враждебными человеку силами. Данные смыслы объективируются приметами: *«Собака воеет к низу (к земле) – к покойнику, вверх – к пожару. Собака землю роет – к покойнику. Не пинай собаку: судороги потянут. Собака валяется – к ненастью. Кто от собаки (после собаки) ест, у того горло распухнет»* и др. [15, т. 4, с. 250–251]. А. Н. Афанасьев записал следующее: *«На Руси рассказывается легенда, что собака создана была голой и что шерсть ей дана дьяволом»* [16, т. 1, с. 697].

С опорой на образ собаки идентифицируются следующие типы людей:

1) злые, ничтожные: *барбос, пес, собака. Николай кинулся в Екатерининский дворец, пес, бросив платок, ударился следом...* (Ю. Давыдов). *Даже под пыткой барбудос не назовут адреса и явки. – Мне все известно, барбосы! И так жильцы жалуются!* (Г. Башкуев);

2) распутные. Для объективации этих знаний используются вербальные стереотипы: *кобель, сука: И ведь нужно же было, при такой-то жизни, какому-то, прости господи, кобелю заговорить о возрождении!* (Салтыков-Щедрин);

3) ревностно служащие: *...Жандармский ротмистр, служилый пес, докладывал своему хозяину* (Фурманов);

4) ловкие, знающие толк в чем-либо: *Пьет, мошенник, шибко, зато собака писать* (Солодуб);

5) физически истощенные, голодные: *устал как собака, голодный как собака*;

6) не пользующиеся сами и не позволяющие пользоваться другим: *собака на сене*.

Свинья выступает в качестве эталона, идентифицирующего грязного, нечестного, неблагодарного человека. *Ты, грязная свинья! – крикнул он, но не особенно зло* (Ю. О. Домбровский).

Когнитивную основу идентификации сформировали наблюдения за этим животным, репрезентированные паремиями: *не до белья, коли свинья щелок пролила; наряди свинью в серьги, а она в навоз; свинья найдет грязь*, а также архетипические представления. А. Н. Афанасьев записал предание: *«...свинья прежде была создана не такой, что она имела щетины золотые и серебряные, но как-то упала в грязь и с той поры утратила блеск своих щетин...»* [16, т. 1, с. 736]. Данный вербальный стереотип используется и при идентификации пьяного человека: *в людях Илья, а дома свинья; пьяная баба свиньям прибавала*.

Внешние атрибуты животного субъект культуры учитывает при идентификации крупного мужчины: *боров, кабан: Чему, думал я, засмеялся этот толстый кабан?* (Тургенев). *Он понять не мог, о чем она могла вести такую одушевленную беседу с этим жирным боровом* (Писемский). Эти же знания могут быть объективированы эталоном медведь. Кроме того, данный вербальный стереотип используется при идентификации физически сильных, неуклюжих, неповоротливых, невоспитанных людей: *силен медведь, да в болоте лежит; не дал Бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы, Куда нам, провинциальным медведям* (Герцен), *Эти косопалые медведи стучат сапогами* (Гоголь). Идентификация человека осуществляется на основе вербального стереотипа лисы: *лиса все хвостом прикроет, лиса хвостом замывает, лисичка всегда сытей волка бывает, лиса семерых волков проведет, у лисицы Патрикеевны ушки на макушке, лисица своего хвоста не замазает*.

Представления о злом, нелюдом человеке объективированы вербальным стереотипом волка: *глядеть бирюком, волком; старый, травленный волк; не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел; несподручно волку с лисой промышлять* и др. Когнитивную базу данного стереотипа составили наблюдения за животным и архетипические знания. По записям А. Н. Афанасьева, волк был связан с представлениями «о грабеже, насилии, резне» [16, т. 1, с. 705].

Наблюдения за домашним скотом положены в основу выбора вербальных стереотипов при идентификации физических качеств человека: эталонами мужчины выступают *жеребец, бык, вол*: *Колькие годы теперь жеребец этакой в Питере живет; баловства, может, нивесть сколько за собой имеет* (Писемский); *здоров как бык: беспокоится о своем здоровье, когда сам здоров как бык* (С. Аксаков); крупной, неповоротливой женщины – *корова, кобыла*: *Корова, сущая корова: ее хоть ударь, хоть обними – все ухмыляется* (Гончаров), *Катя, подай огурцов! Кобыла, сходи к Сидорову, возьми квасу* (Чехов). Названные единицы оценочно маркированы, что отражает нарушение нормы. Быть неповоротливым и неуклюжим, плохо. Ср.: *коза* – ‘резвая, бойкая девушка’. Стандарты физической силы, отраженные в значении единиц *жеребец, бык, вол*, получают негативную окраску под влиянием фоновых знаний, актуализированных вербальным стереотипом: животные использовались для выполнения тяжелых физических работ.

Образы *осла, ишака, барана* выступают средством идентификации глупого, упрямого человека: *Посрамление математика Алеша приурочивал к экзаменам... Вот тогда я и докажу ему, кто из нас осел* (Пермитин). *Я ему, что ни день, твержу – съезжай, съезжай! А он мне – куда я, на зиму глядя, с детишками съеду? Сущий ишак, уперся, как баран, смотрит как баран на воду* (Федин). Выбор стереотипов обусловлен наблюдениями за животными.

Ощущения от контакта с животным отражены в семантике эталона *крыса*, объективирующего представления о неприятном, вредном человеке: *...в самом деле, права эта старая, выжившая из ума крыса...* (Чехов).

Представления о животных используются наивным сознанием для идентификации типов людей, не отвечающих сложившимся в культуре нормам и стандартам: *церковная мышь/крыса* – бедный; *овца/овечка* – робкий, безответный; *обезьяна* – подражающий другим; *лев* – храбрый; *черепаха* – медлительный. Продуктивность данной стратегии подчеркивается, с одной стороны, тем, что одни и те же смыслы объективируются с опорой на разные вербальные стереотипы: *медведь, бегемот, слон*, с другой – образ может становиться инструментом для выражения разных идентичностей: *лев – храбрый / пользующийся популярностью в обществе человек*.

Вербальный стереотип насекомого преимущественно используется в процессах идентификации для фиксации отступлений от нормы. Поскольку большинство насекомых оценивается как вредители, эта оценка учитывается при иден-

тификации человека. *Хамелеон* эталонизирует приспособленца, *паук* – живущего чужим трудом, *сморчок* – старого, маленького, непривлекательного, *скорпион* – злого и др. Представления о насекомых, приносящих человеку пользу, кладутся в основу эталонов трудолюбивого человека – *пчела, муравей*: *работающая как пчела: и на себя, и на людей, и на бога трудится*.

Незначительный размер насекомого принимается во внимание при идентификации детей: *клоп* ‘о маленьком ребенке’, *стрекоза* ‘о живой подвижной девочке’, *таракашек* ‘о ребенке’.

Обращение к вербальному стереотипу птицы обусловлено верой русского человека, что душа после его смерти переселяется в птицу, а также обыденными наблюдениями за ней. Птица выступает эталоном человека, выдающегося чем-либо: *важная птица, мелкая птица, невелика птица; обстрелянная птица* ‘о человеке бывалом, выдавшем виды’, *вольная птица* ‘о человеке, живущем свободно, независимо’. *Он птица вольная, он Рим покинет, когда захочет, – путь его везде, где ветер дует* (Полонский). Для идентификации человека в гендерном аспекте используются эталоны *курица/петух*: *не петть курице петухом, не быть бабе мужиком; курица гогочет, а петух молчит*.

Незначительный размер, беззащитность птиц становятся идентифицирующим признаком при объективации эталона ребенка, подростка, женщины. Для выражения данных представлений избираются эталоны *птаха, птенец, пугалица*: *Парнишка взглянет на меня из-под длинных своих загнутых ресниц, вздохнет. Такая мелкая птаха, а уж научился вздыхать* (Шолохов). *В один месяц возмужали и совершенно переродились только что оперившиеся птенцы и стали мужами* (Гоголь). *Пугалица – маленький, безобидный, слабый человек. Под фортепьяно заставили обеих пугалиц перед князем плясать казачка* (Достоевский).

Прежде всего языковое сознание обращается к типичным представителям этой части фауны. *Ворон/ворона* объективирует представления о следующих типах людей:

1) приносящих беду: *Что это ты ко мне таким злоеющим вороном приехал накаркивать какие вести* (Писемский). *У ворот покойницы уже стояла полиция и расхаживали купцы, как вороны, почуя мертвое тело* (Пушкин). Процесс идентификации основывается здесь на представлениях русского народа о том, что ворон предвещает беду, чует мертвое тело: *«...старый ворон мимо не каркнет; ...как ворон крови ждет; ...ворон каркает на церкви, к покойнику на селе, если каркает на избе, к покойнику во дворе; через*

который двор ворон перелетел, каркая, там будет покойник...» [15, с. 244];

2) алчных, приносящих беду: *стервятник; воронье. Тоже воронье – как прослышат покойника, особливо достаточного, стаями налетят* (Печерский);

3) нерасторопных, неловких: *Ворона! – перебил он вдруг себя. – Пропустил почтовый ящик* (Куприн);

4) обычных, заурядных: *наряд соколий, а походка воронья; бей сороку и ворону, добьешься и до белого лебедя; ворона за море летала да вороной и вернулась; где вороне не летать, а все навоз клевать;*

5) трусливых: *сердце соколье, а смелость воронья; пугана ворона и куста боится.*

Вербализованные стереотипы птиц избираются для идентификации человека в аспекте выполняемой деятельности:

- *ранняя птишка* – о том, кто рано встает, рано приступает к работе: *Пора, дитя мое, вставай: Да ты, красавица, готова! О птишка ранняя моя* (Пушкин);

- *сорока* – болтливый, шумный человек: *всякая сорока от своего язычка погибает; сорока на хвосту весть принесла; знать сороку по язычку и др.;*

- *стреляный воробей* – опытный: *старого воробья на мякине не проведешь, старому воробью по колено река;*

- *попугай* – не имеющий собственного мнения, повторяющий за кем-либо. *Один Катенин знает свое дело. Прочие – попугаи или сороки Инзовские* (Пушкин);

- *глухарь* – избегающий общества: *Десять лет прожив глухарем, я, конечно, привык к уединению* (Достоевский);

- *жаворонок/сова* – рано/поздно встающий или рано/поздно принимающийся за работу;

- *сыч* – мрачный, угрюмый, нелюдимый;

- *индюк* – глупый, заносчивый, надменный: *Только мне удивительно, как это вы курс кончили, образование получили, а вместо того, чтобы этого индюка наставлять, руку его держите* (Чехов), *надулся, как индюк;*

- *петух* – задорный, заносчивый человек, забияка: *Мужчины все петухи: вот бы и дрались* (Достоевский);

- *гусь* – плут, злой человек: *что с гуся вода, гусь лапчатый, ровно у гусака: сердце маленькое, а печенка большая. Я был щенком, когда родился, гусем лапчатым, когда вступил в жизнь* (Чехов).

Менее продуктивны тактики идентификации, в которых актуализируются признаки и свойства животного: *слепая курица* – эталон близорукого, плохо видящего человека: *Слепой курице все пшеница. Мокрая курица* – эталон неуверенного

трусливого человека. *Тетерев* – глупого, плохо слышащего, пассивного: *молодец, что орел, а ума, что у тетерева; видом орел, а умом тетерев, глухая тетеря*. Данные представления объективируются паремиями: *топчется на одном месте, как тетерев на току; тетереву вся зима одна ночь. Цапля – высокого, длинноногого: Проклятая цапля! Он, верно, завидует, что я сижу в директорском кабинете и очиниваю перья для его превосходительства»* (Гоголь). *Орел* – храброго, сильного, мужественного: *С такими орлами и я орел!* (Бек). Это значение объективируется паремиями: *он орлом глядит, орлом летает; орел мух не ловит.*

Таким образом, эталоны человека, в основе которых лежат вербальные стереотипы животного, основаны на архетипических знаниях или практических наблюдениях. Большинство единиц этой группы фиксирует отступление от нормы или стандарта и включает в свое значение негативную оценку, что объясняется интерпретацией животного как эрзаца человека.

Менее продуктивен в процессе идентификации человека вербальный стереотип растения. Общие названия растений и их частей используются для идентификации человека: *Был у нас в газете некий фрукт, вел он городскую хронику и писал воскресный фельетон* (Куприн). Для презентации представлений учитывается жизненный цикл растения: *поросль, старый хрен. Не беречь поросли, не видать и дерева; лес по дереву не плачет, а по поросли сохнет. Эта дворянская поросль представляет собою яркую иллюстрацию бесповоротного вырождения* (Мамин-Сибиряк). *Став начальником училища, он призван был теперь выращивать эту поросль, которая являлась надеждой рода* (Лидин). *Смотри, Фома, сказал Остап, – если старый хрен не пойдет танцевать* (Гоголь). *Мы-то с Евдокимом Егорычем уже скоро грибы будем. Старый-то на молодой женится, думает, что сам помолодеет, а заместо того, еще скорее рушится, в затхлость обращается* (А. Островский). Языковое сознание учитывает свойства и качества растений для объективации сходных характеристик человека. Так, акустические свойства дерева кладутся в основу категоризации грубого, глупого и невосприимчивого человека: *он дерево деревом. Я стала ему говорить, он только шутит да смеется в глаза. Дерево они у нас, дерево, дуб, осина* (А. Островский). Не плодоносящее растение – пустоцвет – идентифицирует бесполезного или не оправдавшего надежд: *Речь идет не о тех людях-пустоцветах, которые ... быстро во всем разочаровываются, срываются и исчезают, не оставляя после себя следов* (Чаковский). Особен-

ности произрастания: *вьюн, перекасти-поле* становятся презентантом ловкого, проворного, расторопного человека: *Да и к этому вьюну не придерешься* (А. К. Толстой). *Не далее как аришин от меня лежал скиталец; за стенами в номерах и во дворе ... не одна сотня таких же скитальцев ожидала утра, а ... какое множество таких же перекасти-поле, ища, где лучше, шагало теперь по большим и проселочным дорогам* (Чехов). Ценность растения соотносится с значимостью для других: *паразит* – о человеке, который живет чужим трудом. Сроки созревания плода учитываются при характеристике человека, который быстро включается в какую-либо деятельность: *Пушкин отнюдь не думал выказываться и важничать, как это часто бывает в те годы со скороспелками, которые по каким-либо обстоятельствам и раньше, и легче находят случай чему-нибудь выучиться* (Пушин).

Учитывается воздействие растений на человека, их восприятие, вкусовые качества. Значимыми становятся приятный вид и запах растения: *Вы еще дитя, вы бутон, который еще будет распускаться...* (Л. Толстой), *Надеюсь, милая, и после свадьбы вы останетесь все таким же розаном* (Чехов). *Я был ребенком кротким и добронравным, и только когда тревожили меня во время занятий, становился недотрогой (мимо-зою), что отчасти сохранилось и донныне* (Глинка). В приведенных примерах эталон объективирует знания о свежем, приятном человеке, роза – привлекательном, мимоза – капризном. В спектре вкусов языковое сознание останавливается на неприятных, что используется при объективации представлений о неприятных, вредных, язвительных людях: *Видите, какой она перец. Живем в одном доме, нельзя же не встречаться и не разговаривать ... с ней пошутили, а она огрызается* (А. Островский). *Эх, эта мне Анисья – полынь горькая* (Л. Толстой). В качестве идентификаторов здесь выступают эталоны *перец, полынь, редиска*. Таким образом, для категоризации представлений о внешности человека используются внешние признаки растения, внутренних характеристик – вкусовые свойства. Итак, при идентификации представлений о человеке вербальные стереотипы растений малопродуктивны и используются преимущественно для объективации негативных аспектов.

Идентификация человека с опорой на название действия характеризуется продуктивностью. Данный вербальный стереотип способен в сжатой форме репрезентировать модель поведения, свойственную тому или иному человеку. Очевидно, что выбор признака связан

с потребностью языковой личности представить человека через вид приписываемой ему деятельности.

Для идентификации качеств человека во внимание принимаются профессиональные типажи человека: *адъютант, акробат, актер, арлекин, артист, дипломат, кустарь, летописец, министр, нянька, петрушка, полотор, поэт, приказчик, прозаик, сапожник, фабрикант, химик, художник* и др.

Вербальной стереотипизации подлежат и представления о социальной деятельности человека:

- социальное положение, отношение к свободе: *король, холоп, невольник, пленник*;
- отношение к религии: *нехристь, патриарх* и др.;
- образ жизни: *отшельник, изгой* и др.;
- отношение к культурным ценностям: *варвар, дикарь* и др.;
- отношение к закону: *маньяк, мародер, преступник* и др.

Актуализируются роли, свойственные героям фантастического мира: *волшебник, маг, фея* и др. Идентификация осуществляется по характеру действия, которое выполняет человек: *подпевала, прилипала, ищейка, двигатель, кусака, летун, лизун* и др. Особую группу составляют эталоны, вербальные стереотипы которых указывают на способ зарабатывания денег: *поденщик, контрабандист, спекулянт* и др. Таким образом, эталоны человека, образованные на основе акциональных признаков, отражают представления о стандартах поведения, принятых в русской культуре.

Продуктивность фетишного культурного кода обусловлена большим количеством предметов, которые окружают человека и через которые он пытается осмыслить себя. Прежде всего языковая личность обращает внимание на ценность вещи, посредством которой он осознает собственную значимость. Представления о ненужных людях кладутся в основу эталонов посредственных, бесполезных людей: *пятое колесо в телеге, мебель, мелкая сошка, мелочь, огрызок*. Напротив, эталоны значимых людей репрезентируются с опорой на представления о ценных в материальном отношении вещах: *картина, клад, золото, сливки, золотой мешок*.

В процессе самоидентификации актуализируются функциональные признаки вещи. Так, вращение лопастей ветряной мельницы рефлексировано в представлениях о человеке, который говорит много и не по существу: *мельница. В минуты откровенных излияний он хвастался тем, что был другом Баркова... Жена называла мужа*

«ветряною мельницей» и «бесструнную балалайкой»... (Салтыков-Щедрин).

Актуализируются внешние признаки предмета, которые экстраполируются на качества человека. Привлекательные женщины идентифицируются эталонами *конфетка*, *куколка*. Для характеристики внешности человека используются вербальные стереотипы: *кубышка*, *кувалда*, *спичка*, *сухарь*, *каланча*. Подлежать эталонизации могут и ощущения, которые вызывает тот или иной предмет: *сухарь*, *кислятина*, *кипяток*, *гранит*. *Катя лежала в постели, осунувшаяся и бледная... Ах ты, кислятина...* (А. Толстой). *Ну, ух девка! ...Кипяток! ...Бедовая!* (Печерский). Таким образом, в процессах идентификации человека с опорой на вербальный стереотип предмета значимыми становятся его ценностные, функциональные характеристики, а также ощущения от контакта с ним. Самоидентификация человека с опорой на вербальные стереотипы анимического кода культуры малопродуктивна. Образы природы, к которым обращается языковое сознание, имеют архетипическую основу. Так, страстный, пылкий, энергичный человек идентифицируется с опорой на вербализованный стереотип огня: *Это огонь, не человек. Дело в руках горит*. Огонь является одной из стихий, символизирует творческое начало [17, с. 54]. А. Н. Афанасьев отмечает: «С возжжением огня издревле соединялась мысль о возрождающейся жизни, а с его погашением – мысль о смерти» [15, т. 2, с. 19]. Считалось хорошей приметой увидеть случайно огонь [15, т. 2, с. 20]. А. А. Потебня указывает: «Как душа и жизнь, так и частные проявления жизни: голод, жажда, желание, любовь, печаль, радость, гнев – представлялись народу и изображались в языке огнем [18, с. 9].

Очевидная для наивной картины причинно-следственная связь огня и света актуализирует в языковом сознании эти феномены, их образная презентация используется в процессах идентификации. Свет дает возможность видеть, делает что-либо заметным, поэтому эталоны известных, компетентных людей объективируются с опорой на данный признак: *светило*, *светоч*. А. А. Потебня отмечает: «Нет ничего обыкновеннее в народных песнях, как сравнение людей и известных душевных состояний с солнцем, месяцем, звездой; но взгляд на светила как на антропоморфические божества затемнился так давно, что ни одно из них не служит символом одного пола» [18, с. 24]. А. Н. Афанасьев пишет: «Яркое сияние солнца и пламя грозы старинный метафорический язык уподоблял блеску золота, серебра

и самоцветов» [15, т. 2, с. 361]. Таким образом, когнитивную основу идентификации с использованием данного образа составили архетипические представления о ценности, свойствах природных стихий. С опорой на вербализованный стереотип ветра формируются представления о легкомысленном человеке: *Я-то забыла, понадеялась на нее, а она у меня ветер* (Гончаров). Болото в наивной картине мира осмысливается как нечистое место: *в тихом болоте черти водятся; не ходи при болоте, черт уши обколочит; было бы болото, а черти будут*. Данные представления сформировали когнитивную основу идентификации нерешительных, пассивных людей с опорой на данный образ.

Результат восприятия горы положен в основу характеристики крупного человека: *Домна Платоновна, как говорят, в поперек себя шире, и чем вверх не доросла, тем вишь берет, и на вид она гора горою ходит* (Лесков). Вербализованный стереотип *скала* стал средством идентификации холодного и неприступного человека: *Человеческая личность должна быть крепка, как скала, ибо на ней все строится* (Тургенев). Эталоны анимического кода объективируют идентификацию человека как части макрокосма природы.

### Заключение

Таким образом, многообразие эталонов русского языка свидетельствует об активности процессов самоидентификации русского человека, его креативности. Как справедливо отмечают Е. Г. Тарева, Е. В. Тройникова данный процесс связан «...с устойчивым включением личности в смысловые поля культуры с их языковыми формами, ценностями, традициями, ориентирами поведения» [19, с. 48]. Языковая личность демонстрирует самокритичность, внимание в себе и своей деятельности. Живой образ, отражающий стереотип, стандарт чего-либо воплощает когнитивную тактику самопонимания и самохарактеризации. В окружающих предметах человек пытался увидеть частицу себя. Об этом точно сказала Н. Д. Арутюнова: «Благодаря существованию Другого человек способен вынести суждение о себе самом как об объекте» [20, с. 647]. Вербализованный стереотип детерминирован архетипическими знаниями и обыденными наблюдениями за элементами макрокосма человека. Пейоративный характер семантики эталонов свидетельствует о критическом настрое субъекта культуры. Эталоны подтверждают, что естественный язык является основным средством идентификации человека.



### Список источников

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 287 с.
2. Токарев Г. В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры. Тула: С-Принт, 2013. 92 с.
3. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
4. Токарев Г. В. Проблемы изучения символического региональной идентичности. Тула: ТППО, 2023. 168 с.
5. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. гос ун-та, 1996. 245 с.
6. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: Изд-во НГПУ. 2013. 180 с.
7. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
8. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 199 с.
9. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 13–24.
10. Токарев Г. В. Краткий словарь русских лингвокультурных единиц. Тула: ТППО, 2020. 273 с.
11. Гудков Д., Ковшова М. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
12. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
13. Кошарная С. А. Миф и язык. Белгород: Из-во БГУ, 2002. 287 с.
14. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2004. 432 с.
15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995.
16. Афанасьев А. А. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Эксмо, 2002. 768 с.
17. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2006. 592 с.
18. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 184 с.
19. Тарева Е. Г., Тройникова Е. В. Культурная идентичность субъекта: векторы информационной трансформации // Язык и культура. 2023. № 64. С. 45–64.
20. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
21. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. Т. 2. С. 7–34.

### References

1. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semantiko-pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: semantic-pragmatic and linguistic-cultural aspects]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996. 287 p. (in Russian).
2. Tokarev G. V. *Chelovek: stereotipy russkoy lingvokul'tury* [Man: stereotypes of Russian linguistic culture]. Tula, S-Print Publ., 2013. 92 p. (in Russian).
3. Krasnykh V. V. *Slovar' i grammatika lingvokul'tury* [Dictionary and grammar of linguoculture]. Moscow, Gnozis Publ., 2016. 496 p. (in Russian).
4. Tokarev G. V. *Problemy izucheniya simbolariya regional'noy identichnosti* [Problems of studying the symbolary of regional identity]. Tula, TPPO Publ., 2023. 168 p. (in Russian).
5. Kubryakova E. S. et al. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. Moscow, Moscow state university Publ., 1996. 245 p. (in Russian).
6. Lappo M. A. *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy* [Self-identification: semantics, pragmatics, language resources]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2013. 180 p. (in Russian).
7. Teliya V. N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 141 p. (in Russian).
8. Potebnya A. A. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow, Labirint Publ., 1999. 199 p. (in Russian).
9. Teliya V. N. *Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kultury* [The primary tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of language in the context of culture].

- the context of culture]. *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1999. Pp. 13–24 (in Russian).
10. Tokarev G. V. *Kratkiy slovar' russkikh lingvokul'turnykh edinit* [A short dictionary of Russian linguistic and cultural units]. Tula, TPPO Publ., 2020. 273 p. (in Russian).
  11. Gudkov D., Kovshova M. *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [The body code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 288 p. (in Russian).
  12. Karasik V. I., Dmitrieva O. A. *Lingvokul'turnyy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya* [Linguistic and cultural type: towards the definition of the concept]. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* [Axiological linguistics: linguacultural types]. Volgograd, Paradigma Publ., 2005. Pp. 5–25 (in Russian).
  13. Kosharnaya S. A. *Mif i yazyk* [Myth and language]. Belgorod, BGU Publ., 2002. 287 p. (in Russian).
  14. Mechkovskaya N. B. *Semiotika. Yazyk. Priroda. Kul'tura* [Semiotics. Language. Nature. Culture]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 432 p. (in Russian).
  15. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tomakh* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: 4 volumes]. Moscow, Terra Publ., 1995 (in Russian).
  16. Afanas'ev A. A. *Mify, pover'ya i sueveriya slavyan. Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 tomakh* [Myths, beliefs and superstitions of the Slavs. The poetic views of the Slavs on nature: 3 volumes]. Moscow, EKSMO Publ., 2002. 768 p. (in Russian).
  17. Sheynina E. Ya. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. Moscow, AST Publ.; Khar'kov, Torsing Publ., 2006. 592 p. (in Russian).
  18. Potebnya A. A. *Simvol i mif v narodnoy kul'ture* [Symbol and myth in popular culture]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 184 p. (in Russian).
  19. Tareva E. G., Troynikova E. V. *Kul'turnaya identichnost sub'ekta: vektory informatsionnoy transformatsii* [Cultural identity of the subject: vectors of information transformation]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2023, no. 64, pp. 45–64 (in Russian).
  20. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury", 1999. 896 p. (in Russian).
  21. Savchuk S. O., Arkhangel'skiy T. A., Bonch-Osmolovskaya A. A., Donina O. V., Kuznetsova Yu. N., Lyashevskaya O. N., Orekhov B. V., Podryadchikova M. V. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya* [National Corpus of the Russian Language 2.0: new opportunities and development prospects]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the study of language*, 2024, no. 2, pp. 7–34 (in Russian).

#### **Информация об авторе**

**Токарев Г. В.**, доктор филологических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (пр. Ленина, 125, Тула, Россия, 300026).  
E-mail: grig72@mail.ru

#### **Information about the author**

**Tokarev G. V.**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Tula State Pedagogical Tolstoy University (pr. Lenina, 125, Tula, Russian Federation, 300026).  
E-mail: grig72@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 20.05.2024.; принята к публикации 01.10.2024*

*The article was submitted 20.05.2024.; accepted for publication 01.10.2024*